

— Береги себя, культиватор. Твоё сердце не принадлежит тебе.

Селена сбросила свою золотую вуаль и встала перед сломленным мужчиной. Шёпот сдвигаемой ткани и его собственное неровное дыхание были единственными звуками, слышными в храме. Шаль упала с её плеч, открывая бронированный нагрудник из чистого золота. В её руке появилось богато украшенное копье, древко которого было белым, как кость, и инкрустированным резными пророчествами, а наконечник – сверкающей бронзой.

Изысканная туника культиватора была мокрой от пота, дорожный плащ был накинут на его сгорбленное тело как погребальный саван. У него были привлекательные черты лица, как и у большинства сильных культиваторов, но его страдания исказили их в нечто гротескное. Его золото было рассыпано по полу между ними – у него едва хватило сил высыпать его из кошелька.

— Я умоляю Оракула, — едва выдавил он, его зрачки дрожали, — Я заплачу любую цену. Только сделайте меня снова целым.

В самом начале, когда первый человек был вылеплен из глины титаном, не имевшим ни лица, ни имени, которое можно было бы запомнить, порядок был создан из хаоса. Титаны и их дети, боги Олимпа, были первыми упорядоченными существами, появившимися из первобытного моря. Человечество было создано по их образу и подобию. Наложение порядка на материалы матери-земли.

Культивировать добродетель означало упорядочить хаотичную душу. Это был долгий марш человечества к свету просвещённой цивилизации, отражённый в пути одного человека. Культиваторы возвышались на принципах, на которых были построены самые сильные империи в истории, и точно так же они падали.

Внутренние распри разрушили не одну великую империю. Если она не вмешается, то вскоре это приведёт к падению ещё одной.

— Крепись, — сказала Селена культиватору, мягко улыбаясь, — Ты больше не один.

Она вонзила копье в его грудь и погрузилась в море его души.

Добродетель была извилистой горной тропой. Человек мог идти по ней при свете дня или темной ночью и ни разу не сбиться с пути, и так же он мог легко заблудиться. Или, если ему действительно не повезло, сойти с неё. Будь то ветер, дождь или добродетельные звери. Сбиться с курса было проще простого. И хотя эти минутные отклонения могли бы быть не более чем песчинками, проскользнувшими сквозь ладони.

Но это было в природе культиватора стремиться к большим высотам и подняться на Олимп Монс. С каждым восходящим шагом культиватор становился всё больше тем, кем он был. Каждая его сущность росла в геометрической прогрессии. Песчинки становились камнями, а камни – валунами. И даже самый великий культиватор мог нести на божественную гору только так много груза.

И в эти мгновения души отклонялись от своего пути. Так рождались демоны сердца.

Говорилось, что души культиваторов – это великие вещи, мраморные города, построенные их непоколебимыми душами. Душа, поражённая сердечным демоном, превращалась в руины. Селена вошла в душу культиватора и увидела опустошённый пейзаж. Разбитые колонны и крошащийся мрамор – вот и всё, что видели её глаза. Парфенон сердца культиватора,

центральное сооружение его культивирования, был разрушен до основания и подожжён. Демон сердца культиватора с удовлетворением наблюдал, как он сгорает.

— Ты, — сказал культиватор, внезапно оказавшись рядом с ней. Здесь, в море своей души, его не отягощали муки, которые лишили его сил в бодрствующем мире. Правда, ненадолго. Даже сейчас на его лбу выступили капельки пота. Его руки слабо дрожали.

— Я? — эхом отозвался демон сердца, отворачиваясь от огромного пламени. Он был зеркальным отражением культиватора, за исключением шрама, который проходил от нижней части квадратного подбородка до уголка правого глаза. Это была рана, которую его культивирование уже давно залечило снаружи. Поверхностно.

— Демон моего сердца, — прорычал культиватор, — Я пришёл убить тебя.

— Конечно, ты пришёл. — Демон сердца усмехнулся, спускаясь по разбитым ступеням Парфенона лёгким шагом. Дым и миазмы от горящих обломков завихрились и свернулись в его ладони, образуя клинок, подобный тому, что был в, сцепленной добела, руке культиватора. — Это всё, что ты делаешь, в конце концов. Мужчина, женщина или ребёнок. Старики щелкают пальцами, и ты идёшь на охоту как собака.

Культиватор оскалил окровавленные зубы: «Мерзкий самозванец. Человек культа делает то, что должен. Я отказываюсь признавать, что какая-то часть меня может быть такой же трусливой, как ты».

— А мы значит храбрые, не так ли? — размышлял демон сердца, вертя в руках свой тёмный клинок. — Эти наши руки построили такой прекрасный памятник. Любой из свободных городов с гордостью претендовал бы на такой монолит. Какая трагедия, что он так быстро пал. — Он слабо улыбнулся. — Фундамент всегда был слабым.

Культиватор закричал и прыгнул вперёд, скрестив клинки с демоном своего сердца в руинах своей души. До того как он сошёл со своего пути, он был человеком широко известным своим боевым мастерством. Это проявлялось в свирепости его ударов, в интенсивности его пневмы.

Но назвать этот бой равным было бы слишком милосердно.

— А вот и он, мясник с его клинком! — издевался демон сердца, парируя молниеносные удары с ужасающей лёгкостью. — Давненько ты не сталкивался с противником, способным дать отпор, не так ли? Это видно!

Демон сердца ударил, один раз, и рассёк лицо культиватора. От подбородка до уголка правого глаза, рана идеально совпадающая со шрамом демона сердца. Значение раны поразило культиватора не меньше, чем боль от неё. А воспоминания, скорее всего, ужалили ещё сильнее.

— Ну, не падай духом, — проговорил демон сердца, оскалившись в улыбке, — Помни о своей добродетели, пёс. Помни путь, который ты утопил кровью. Что там говорили старики?

Культиватор схватил свой клинок обеими руками и зарычал, ударив со всей силы. Демон сердца заблокировал его одной рукой с мечом. Другой рукой он взял культиватора за горло и поднял над землёй.

— Храбрость, — прорычал демон сердца, — Храбрость, пока работа не сделана...

Демон поперхнулся. Он растерянно посмотрел на бронзовое копьё, зарытое в его нутро. Впервые, он кажется заметил её. А потом жгучий свет в его глазах померк, и он рухнул на белое как кость древко её оружия. Культиватор упал на землю, задыхаясь и хватаясь за лицо, пока демон его сердца медленно сползал с её оружия.

— Это... — Культиватор закашлялся. Хватка демона сердца оставила синяки на его горле. — Это закончилось?

Селена печально посмотрела на труп. Она покачала головой: «Брось тело в огонь, культиватор. Иначе оно сгниёт в твоей душе».

Он хмыкнул и поднялся на ноги, перекинул труп своего близнеца через плечо и зашагал вверх по ступеням горящего Парфенона.

Культиватор бросил труп своей вины в пламя.

— Неужели нет больше ничего, что я могу тебе дать? Действительно? — Культиватор стоял перед ней на коленях в храме, где находился оракул. В его глазах светилось облегчение. — Этот ничтожный софист клянётся, что исполнит любое желание, каким бы суровым оно ни было!

Это было ужасно – наблюдать, как они возвращаются к тем же привычкам, которые привели их к ней. Селена лишь улыбнулась и надела свою золотую шаль и вуаль, скрывающую её черты ещё больше, чем туман.

— Сначала сосредоточься на желаниях своего сердца, — посоветовала она ему. Большинство, конечно, не слушали, но это не означало, что она перестанет пытаться. — Живи так, чтобы мне никогда больше не пришлось тебя видеть.

Культиватор почтительно склонил голову. И, как будто с запозданием, достал из складок своего плаща ещё один кошелек и бросил его к её ногам. Со звуком драхмы бьющейся о драхму, он звонко ударился о мрамор. Небольшое состояние, но для культиватора его известности это вряд ли был даже однодневный доход.

— Тогда у тебя есть моя бесконечная благодарность, — сказал он. Он поднялся, чтобы уйти, мокрые волосы всё ещё прилипали к черепу, но он уже выглядел сильнее. Здоровее. Единственными следами его близости со смертью остались следы удушения на горле и кровоподтёк на лице. Селена надеялась, что он оставит шрам. Некоторые вещи нужно было помнить.

Культиватор заколебался у выхода из храма. Она терпеливо ждала вопроса, который он из всех сил старался не задать.

— ... Почётный оракул, — наконец произнёс он, — Ты видела мою судьбу?

— Мне жаль, культиватор, — сказала Селена. — Ты знаешь, что боги больше не разговаривают с нами.

Культиватор вздохнул, кивнул, и ушёл.

Селена села на жертвенный треножник в храме оракула и закрыла глаза. Эхо предсмертных мук павшего бога солнца было оглушающим в её ушах.

Свободные города Средиземноморья давно забыли имена и лица Греческого пантеона, и боги больше не шептали пророчества им на уши. Но это не значит, что оракулы перестали слушать. Это не значит, что больше нечего не осталось, чтобы услышать.

В эту ночь Селене приснилась война, от которой содрогнутся небеса, и змея с солнцем в пасти.

<http://tl.rulate.ru/book/93122/3146018>